Михаил Скопин-Шуйский (3)

Архангельской губернии

В стольнём во городи во Киеви,
У ласкова князя у Владимера,
Заводился пир, право, почесен стол;
Розоставили столики дубовыя,
Настелили тонки новобранны скатерти,
Розоставили питья-ества сахарныя;
Собиралися все они, съежжалися,
Да к солнышку батюшку на почесен пир.
Они пьют ле, пируют трои суточки,
Да все на пиру стали пьянёшеньки,
Да все на чесном стали веселёшиньки,
Да все на пиру да приросхвастались:
Первой-от ле хвастат золотой казной,
Другой-от ле хвастат чистым серебром,
Юмнот ле хвастат старым ётцом,
Старым ле ётцом, старой матушкой,
Безумной ле хвастат молодой жоной
И иной удачей молодецкоей,
А да хвастал Скопин да доброй молодец:
«Уж я много, Скопин, да по землям бывал,
Уж я много, Скопин, да городов бирал,
Я не бравши ле города не проежживал,
А Малюту-короля да во полон его взял,
У Малютиных дочерей на грудях лежал,
Опускал я руки ниже до пуповья,
А ищэ того пониже ведь до че́рева».
Услыхала тут ведь зла дочка Малютисна,
А эти ей реци да не по разуму,
За великую ей досаду показалосе,
Как выходит на гриню на столовую,
Подходит ёна’ солнышку Владимеру,
Близешинько она,’ солнышку подвигается,
Низешинько она солнышку поклоняется,

Тихо-смироно свою речь она выговариват:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимер-князь!
Ты позволь же мне-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь ле меня за слово казнить,
Отсылати ле миня в ссылки дальние?»
Говорит ей ведь солнышко Владимер-князь:
«Говори же ты нонь да што те надобно,
Я не буду тебя да за слово казнить,
Отсылать я не стану в ссылки дальние».
Говорит тут Малютисна таково слово:
«Ты позволь же мне отмерять, цару зелена вина,
А поздравить надо нынь да люба кресника».
Говорит ей ведь солнышко Владимер-князь:
«Ты меряй же цару зелена вина».
А брала ёна цашечку серебрену,
А спускаласе во погребы глубокия,
Да намерила она цару зелена вина,
Невелику, немалу полтара ведра,
Ищэ клала коренья, да зелья лютого;
Загорелосе во царе да во серебреной,
Середи-то есь цары да искры сыплютсе;
Выходит на гриню да на столовую,
Выносит ёна цару да зелена вина,
Выносит ёна цару правой рукой,
В левой руке выносит своё цядо милое,
Подходит она ко столикам дубовыим,
Подходит’ Скопину сыну Михайлову,
Близешинько ёна’ ему подвигаетца,
Низешинько сама ему поклоняется:
«Уж ты ой есь, Скопин да сын Михайлов!
Поздравить надо нам любима кресника».
Говорит тут Скопин да сын Михайлович:
«А выпить мне та цара — живому не быть,
А не выпить мне цара — виновату быть».
А гледят ле смотрят все руськи богатыри,
Среди-то есь цары да то пламё мецёт,
По бокам-то есь цяры искры сыплютсе;
Он понадеялся на силу на могучую,
На свою ле удачу да богатырскую,

Он пьёт эту цару да за единой дух.
Сидит тут Скопин скоро не по-старому,
Не по-старому Скопин сидит, не по-прежному,
Повеся он свою доржит буйну голову;
Скакл ле со лавки, с дубовой доски,
Через ти ищэ столики дубовыя,
Он падал на середу кирпищат пол:
Да на то были руськи-те богатыри,
Скочил ищэ стар казак Илья Муромец,
Подхватил он Скопина да за праву руку,
А скочил тут Добрынюшка Никитич: блад,
А Добрыня-то хватил его за леву руку,
Поставили они его на резвы ноги,
Надевали на его его шубу куньюю,
Они клали его право пухов калпак,
Выводили Скопина да вон на юлицу;
Его доброй-от конь стоит обузданной,
Он обузданной конь его, обседланной,
Посадили его да на добра коня,
Отправили его да во своё место,
Поехал Скопин да не по-старому,
Не по-старому едёт, не по-прежному,
Доежжает до своего высока терема;
Увидала его матушка родимая:
«Да едёт дитя моё не по-старому.
Одва ле он винно на кони сидит».
Металасе она вон на улицу,
Стречала она удала добра молодца,
Сымала его да со добра коня,
Уж стала у его она ведь спрашивать:
«Уж ты ой еси, моё дорого дитя!
Што же ты приехал не по-старому?
Але пир-от тебе быват непоюму?
Подносчики были быват невежливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стоканы да не доносили?»
Говорит ей Скопин да таково слово:
«Ой еси, родима моя матушка!
Поди-ко за попами, за причетниками,

Да надо мне скоре нынце покаетца».
Да скоро привели попов, причетников,
Да покаялся Скопин сын Михайлович,
Повалили его на лавку на брущатую,
Повалили под иконы под святы его.
Немножко прошло да тут времицька,
Приставилса Скопин сын Михайлович,
Да сделали ему гроб да право вечной дом,
Наверх обтенули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михаиловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.
Брала мати книжоцьку волховную,
Посмотрела она книгу волховную,
Надевала на себя да шубу куньюю,
Отправлялась она’ солнышку Владимеру,
Доежжает она до солнышка Владимера,
Говорит ёна солнышку Владимеру:
«Уж ты ой еси солнышко Владимер-князь!
Не на пир зовёшь, да не столовать право,
Зовёшь да ле ты ноньце всё опаивашь,
Опоил ты у миня да цядо милое,
Как того ле Скопина сына Михаиловича».

(Записана Н. Е. Ончуковым в дер. Рощинский Ручей, Устьцылемской волости, от кр. И. В. Торопова в 1902 г. Напечатана в сб. «Печорские былины» 1904 г., стр. 251-254)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.